

МЕМУАРЫ. ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ
MEMOIRS. DOCUMENTS PUBLICATION

Серия «История»
2011. № 1 (1). С. 190–204
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 9(С18)+34
ББК 63.3(2Р5)+67.3

**Воспоминания П. В. Вологодского:
фрагменты столичной и сибирской жизни
конца XIX столетия**

А. В. Ремнев

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

Статья посвящена раннему периоду биографии видного сибирского общественного и политического деятеля П. В. Вологодского (1863–1925). Анализируются его опубликованные и неопубликованные воспоминания, относящиеся к периоду учебы в Красноярске, Томске и Петербурге, становлению как общественного деятеля, возвращению в Сибирь в 1887 г. и службе в судебной системе. В центре внимания организация и деятельность петербургского землячества сибиряков в 1880-х гг., судебная реформа в Сибири, важные фрагменты из общественной жизни Сибири конца XIX в.

Ключевые слова: история Сибири XIX века, воспоминания, П. В. Вологодский, Н. М. Ядринцев, сибирское областничество, сибирская печать, судебная реформа.

Со строительством Сибирской железной дороги началась «новая история» Сибири, покончившая с затянувшимся «дореформенным» периодом. Перемены в сибирской жизни чувствовались во всем, и, как никогда, требовали свежих умственных сил. В Сибирь поехали не только крестьяне-переселенцы и предприниматели, но и новые интеллигентные деятели, среди которых были и возвращавшиеся на родину сибиряки, получившие профессиональный и общественно-политический опыт в столицах. Среди них был уроженец Енисейской губернии, будущий депутат Государственной думы, сибирский «премьер-министр» Петр Васильевич Вологодский (1863–1925) [1, с. 7–10; 2, с. 7–55; 3, с. 139–143].

Детские и юношеские годы, а также пребывание в Петербурге в 1884–1887 гг. П. В. Вологодский описал в незаконченных мемуарах, опубликованных частично в эмиграции [см. также: 4; 5, с. 98–135]. Ранее, по инициативе комиссии по сбору материалов о сибирских землячествах, он представил журналу «Сибирские вопросы» краткие заметки о петербургском землячестве [6, с. 79–84]. Свое преждевременное возвращение в Сибирь в 1887 г. и первые шаги в общественной жизни и на судебном поприще представлены им в мемуарах, хранящихся в Пражской коллекции документов российской эмиграции Государственного архива Российской Федерации (Ф. Р-5881. Оп. 2.

Д. 299). Судя по архивным данным, они были написаны в 1920-х гг., озаглавлены: «Сибирское безлюдье 80–90-х годов. Из истории моей жизни» и представляют собой одностороннюю машинопись на 66 листах. Имеется в тексте также указание, что это глава I с названием «На распутье», что указывает не только на незавершенность воспоминаний, но и желание автора их продолжить. Вероятно, об этой же части воспоминаний упоминается в предисловии к публикации дневника П. В. Вологодского, что она хранится в семейном архиве его дочери З. Р. Поповой (Вологодской). Таким образом, имеющиеся воспоминания П. В. Вологодского охватывают период «пробуждения» общественной жизни, короткий, но чрезвычайно важный, период пребывания в Петербурге, возвращение в Томск, и начало профессиональной и общественной деятельности в Сибири в период, о котором все еще мало известно в нашей истории.

Типичность «интеллигентской» биографии П. В. Вологодского поражает: происхождение из духовного сословия¹, домашнее образование под руководством случайного ссыльного (судя по всему, даже не политического, а уголовного), поступление в Красноярскую гимназию, где помимо обычных классовых занятий, увлеченность приключенческими романами Т. Майн-Рида и Ф. Купера, но затем модный интерес к естествознанию и изучению «классических» для тогдашнего поколения «мыслящего пролетариата» трудов Г. Бюхнера и Я. Молешотта, увлеченность статьями властителя дум радикально настроенной молодежи Д. И. Писарева. Первое знакомство с политическими ссыльными (Ф. В. Волховский) и даже «террористический акт» против дочери губернатора, на платье которой из окна гимназисты бросили трубочку с чернилами. Почти вынужденный переход в 1878 г. в Томскую гимназию, где были новые книги и новые знакомства, в том числе с политическими ссыльными (С. Л. Чудновский, Д. А. Клеменц, Н. М. Зобнин, А. И. Иванчин-Писарев), что невольно пробуждало в провинциальной обстановке сибирского города интерес молодых сибиряков к их необыкновенной судьбе и влекло к запретным идеям. Через «политических» доставали «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Благополучного Россиянина» И. А. Кушевского, «Шаг за шагом» И. В. Федорова-Омулевского. И, конечно, на фоне педантичных и не очень образованных гимназических педагогов, оставил яркую память талантливый учитель словесности Н. К. Баранский, прививший любовь к чтению, поощрявший первые пробы пера в рукописных журналах и первые самостоятельные корреспонденции в «Сибирскую Газету». Чтение было если не системным (по бедности библиотек и отсутствию руководства), то вполне регулярным. По собственному подсчету П. В. Вологодского, за 11 лет (с 1882 г. по 1892 г.) он, помимо учебников, прочел 628 книг. Рано стал зарабатывать на жизнь (отец умер в 1882 г., и семья перебралась в Томск), как тогда было принято, уроками.

---

¹ Его отец не был типичным патриархальным деревенским попом: выписывал газеты «Голос», «Ниву» и «Сын Отечества», а помимо духовных журналов еще «Современник» и «Отечественные записки», интересовался сибирскими печатными изданиями.

В 1884 г., окончив Томскую гимназию, Вологодский стал студентом юридического факультета Петербургского университета, поселившись на одной квартире с другим сибиряком И. И. Тыжновым, годом ранее поступившим в университет. Лекции в университете, снова частные уроки, работа в газетах, а, главное, напряженное интеллектуальное насыщение и общение, составлявшее главное содержание его жизни в столице. Сначала все это было сконцентрировано в небольшом кружке так называемых сибирских «суарейщиков», на вечерних заседаниях которых собирались еще до приезда П. В. Вологодского, прозванного товарищами «сычом» за манеру таращить глаза, иркутяне В. А. Ошурков и А. А. Мясникова, красноярцы А. Н. Ушаков и С. Н. Галкина, томич В. С. Пискунов, тоболячка А. А. Трифонова и еще несколько человек. Они еще не были «сибирскими патриотами» в полном смысле этого слова, скорее, их объединяли воспоминания об оставленной родине и желание быть вместе, поддерживая друг друга, обсуждая прочитанные книги и насущные общественные вопросы. Они не ставили цели обязательно вернуться (хотя большинство вернулись) в Сибирь и посвятить себя служению ей. Сибирское землячество оставалось аморфным, разделенным на группы по городам, хотя на общие мероприятия иногда сходилось до 60 человек. Сибиряки собирались по частным квартирам, а также на лоне природы – «на островах». Не состоять в землячестве считалось дурным тоном, и это касалось не только сибирского, но, перечислял Вологодский, украинского, литовского, кавказского и донского землячеств. Землячества Центральной России, если и были, то не имели «патриотического» характера и служили лишь кассами взаимопомощи. Отчисления в пользу землячества у сибиряков могло составлять до 5 % от всех полученных сумм, при этом стремились соблюдать дисциплину, и нарушивших устав могли отчислить из землячества, отказать пользоваться его поддержкой. Основной формой собраний были «вечеринки», закамуфлированные иногда под «свадьбы» или «новоселья» с демонстративными «попойками», для чего заблаговременно за пивом посылалась прислуга, а околоточных и дворников предусмотрительно «смазывали» и «угощали». Собрания часто сопровождалось хоровым пением, музыкой и танцами. Впрочем, сибиряков в Петербурге звали «медведями», а их «вечеринки» не были такими шумными, как у украинцев, кавказцев или донцов. Но и у сибиряков маскировка не всегда была фиктивной, а собравшиеся также задорно веселились, и, бывало, крепко выпивали. Вологодский признавался, что на одной из таких фиктивных свадеб «жених» так упился, что пришлось ему срочно искать замену. О землячестве знало как университетское начальство, так и полиция, но до поры до времени закрывало глаза, пока не было «политики». И как только попытались организовать отчисления на политическую борьбу, полиция тут же вмешалась, и последовали обыски и аресты.

Главным предназначением землячества оставалась материальная помощь учащимся сибирякам, что не могло устроить уже получившего вкус к общественной деятельности П. В. Вологодского. Он даже обратился к землякам с «Письмом новичка», где писал о своей неудовлетворенности такой постановкой дела. Вместе с тем он понимал, что легальная общественно-

политическая деятельность будет затруднена, и в таком случае нужно ставить реальные, но не менее важные задачи деятельного служения Сибири, «выработки в себе будущих граждан Сибири, носителей и проводников культуры для родной страны». «Письму» он предпослал страстный поэтический призыв:

«В годину бедствий иль страданий
Ужели мать покинет сын?
Ужель в период испытаний,
В период робких ожиданий
Отчизну бросит гражданин?» [6, с. 80].

Письмо активно обсуждалось в 1884–1885 гг., и в результате дебатов оформился небольшой кружок настоящих «сибирефилов», который задался целью изучения Сибири. Руководителем его стал томич Н. М. Яновский, вскоре умерший от чахотки. Члены кружка занимались отдельными «сибирскими вопросами» и издавали на гектографе журнал «Сибирефил». На заседаниях кружка читались рефераты, которые затем становились публикациями в газетах; члены кружка принимали активное участие в общественных акциях в Петербурге. Так, Вологодский был представителем сибирского землячества на похоронах Н. И. Костомарова и К. Д. Кавелина, нес венки «от сибиряков и сибирячек». Особым авторитетом среди сибиряков пользовался студент-технолог, впоследствии профессор Петербургского политехнического института В. С. Пискунов, прозванный своими товарищами за «кристальную душу» и вдохновенные ораторские способности «Христом». Выделялся своей эрудицией и чтениями по истории Англии (которую излагал по Т. Маколею) студент-математик (прозванный «бесом» за свой мефистофельский вид) А. Н. Ушаков, избранный в 1906 г. в I Государственную думу. Если Яновского заботила сибирская литература и положение сибирских писателей, то Вологодский избрал своей кружковой специализацией вопросы землеустройства и переселенческого движения в Сибири. Интересовались кружковцы и трудами К. Маркса, особенно его трактовкой проблем земельной собственности. Еще одним направлением общественной деятельности стала сибирская библиография и отправка в сибирские библиотеки новых книг о Сибири. На ваканциях сами ехали в Сибирь, работали в переселенческих партиях и старались по мере сил и возможностей помогать крестьянам. Финансовую сторону этого предприятия обеспечивали состоятельные члены кружка – студент и будущий известный сибирский предприниматель А. М. Сибиряков, а также его сестра, курсистка А. М. Сибирякова. Но и этот кружок не был в полном смысле политическим; партийная деятельность, по свидетельству Вологодского, шла вне землячества.

И хотя действия кружка были, по собственному признанию Вологодского, скромными и далекими от настоящей политики, полиция их ревниво опекала. Кружок просуществовал недолго (год-полтора), распался со смертью Яновского и по причине внутренних противоречий и разочарования, что все было как-то «бледно». Один из кружковцев был заподозрен в сотрудничестве с охранкой, последовали обыски и аресты, а затем и административная высылка по городам Сибири. Поводом стали участие в панихиде 21 января

1887 г. по случаю двадцатилетия смерти Н. А. Добролюбова, а также политическая «чистка» университета, затеянная новым ректором М. И. Владиславлевым. 6 июля 1887 г. П. В. Вологодский был исключен из университета без права поступления в него снова, а также с запретом проживать в столицах и в больших фабричных центрах. Каких-либо политических обвинений ему выдвинуто не было, кроме активного членства в сибирском землячестве, но, очевидно, такое наказание состоялось, как говорится, по совокупности фактов. Сыграло свою роль знакомство, пусть и самое краткое, с участниками несостоявшегося покушения на Александра III 1 марта 1887 г. П. Я. Шевыревым, И. Д. Лукашевичем и В. С. Осипановым, последнего из которых он знал еще по Томской гимназии и петербургскому сибирскому землячеству. Совершенно курьезной выглядит в этом случае предосудительная в глазах властей аттестация Вологодского как типичного «нигилиста»: «длинные волосы с расчесыванием их назад, пенсне на толстом черном шнурке, плед и шляпа с широкими полями», и, кроме того, неодобрительная «склонность с первого курса к чтению книг по социологии и политическим наукам» [5, с. 128, 129].

Именно в столице П. В. Вологодский окончательно укрепился в своих занятиях «сибирскими вопросами». Особую роль в этом, несомненно, сыграло близкое знакомство и сотрудничество с главным идеологом сибирского областничества Н. М. Ядринцевым, который в те годы издавал в Петербурге газету «Восточное обозрение» [7. Другой взгляд на газету см.: 8, с. 121–149]. Вологодский вспоминал, что статьи из этой газеты вызывали особо острые споры у питерских сибиряков. Большое влияние на него оказала и книга Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония». Действительно, Н. М. Ядринцев был своего рода духовным отцом сибирского землячества, помогал студентам, так как видел в них будущих сибирских деятелей. «Мы (т. е. старые деятели), – повторял он, – учились кое-как и кое-чему. Вот погодите, придут новые люди, вооруженные знаниями, и тогда для Сибири наступит новая эра. Наша обязанность облегчать молодым людям путь к науке, ибо в этих людях вся наша надежда!» [Цит. по: 9, с. 150].

По четвергам (после выхода очередного номера «Восточного обозрения») П. В. Вологодский, как и многие сибиряки, посещал журфиксы, которые устраивались на квартире Ядринцевых. По свидетельству еще одного сибиряка А. М. Головачева, бывавшего в то же время на «ядринцевских четвергах», они стали «небольшой умственной лабораторией, где формировались идеалы и программы будущих деятелей сибирской и отчасти российской жизни» [10, с. 357]. Еще в одних воспоминаниях мы находим описание, в котором редакция «Восточного обозрения» названа «салонem для всех сибиряков, а его четверги собирали сибирскую молодежь, сибирских администраторов, их посещали ряд известных писателей и литераторов, и, наконец, каждый сибиряк, приехавший из Сибири, считал для себя священным долгом побывать у Ядринцева и посетить его четверги» [11, с. 365]. На таких журфиксах, помимо сибиряков, бывали уже известные писатели и ученые, с которыми там встречался Вологодский: А. Н. Плещеев, В. С. Пругавин, В. И. Се-

мевский, А. П. Чехов и мн. др. Впрочем, сам Н. М. Ядринцев уже тогда вызвал у него не только восхищение: «В общем Н. М. Ядринцев произвел на меня благоприятное впечатление, живой, находчивый и остроумный, но он мне, нигилисту по типу, показался несколько фатоватым и это меня огорчало. Он не выдержал передо мной экзамена на цельного человека-писателя» [5, с. 131]. Замечательную роль играла на этих собраниях его жена А. Ф. Ядринцева, которую сибиряки ласково именовали «наша мать». Здесь же он познакомился и с другим лидером сибирского областничества – Г. Н. Потаниным, который уже тогда казался «своего рода сибирским божком», и его величали «Сибирской богородицей».

В Петербурге студента П. В. Вологодского увлекла не просто литературная деятельность, но именно газетная работа. Свой первый рассказ на сибирскую тему «Ганька» он опубликовал в «Восточном обозрении» по псевдонимом «В. Томских», хотя рассказ не вызвал особого воодушевления у редактора. Очевидно, гораздо более теплый прием у Н. М. Ядринцева получили статьи: «Переселенческий вопрос в столичной прессе» и «К вопросу об общине в Сибири». Вскоре Вологодский стал не просто корреспондентом газеты и ее хроникером, но однажды даже замещал в редакции вместе с А. М. Головачевым уехавшего за город Н. М. Ядринцева. Сотрудничал он параллельно и со столичной «Судебной Газетой», которую редактировал сибиряк В. В. Птицын. К этому же периоду относится его первое знакомство с русской деревней во «внутренней» России. Его неприятно впечатлило, как вели себя бывшие крепостные крестьяне, которые, увидев в нем «барина», «соскакивали с мест, заранее снимали шапки и низко кланялись мне, когда я проходил мимо них. Все это так не походило на сибирского крестьянина и так было необычно для меня...» [5, с. 134]. Но явно ему понравилась неведомая в Сибири культурная обстановка помещичьих усадеб, хотя и претил дворянский этикет и церемонии. Все это не могло не укрепить в нем мысль об отличиях Сибири от Европейской России, которую пропагандировали областники.

П. В. Вологодский административным порядком был отправлен в Томск, как тогда писали в официальных документах, на «попечение родителей». Фактически это была ссылка, которая носила такой своеобразный для сибиряка характер. Недоучившийся юрист П. В. Вологодский с запретом заниматься судебной деятельностью оказался в губернском Томске, где, как и во всей Сибири, постепенно внедрялись новые элементы судоустройства, демонстрировавшие формы сочетания старого и нового суда с провинциальными типажам судейских чиновников [О судебной реформе в Западной Сибири см.: 12, 13]. Между тем, как это часто случалось в Сибири, «предсудительный формуляр» образованного молодого человека, пусть пока и не с высшим образованием, не стал препятствием для поступления на государственную службу. Дефицит образованных и способных чиновников заставлял местные власти снисходительно смотреть на эти обстоятельства и пренебрегать официальными запретами. По патриархальным обычаям провинции, где порой личные связи значили куда больше, нежели юридические предписания,

благодаря хлопотам бабушки перед губернатором А. И. Лаксом, П. В. Вологодский получил место в Томском губернском суде. Примечательно, что явно не расположенный к царским чиновникам, оказавшийся почти в ссылке молодой человек, удаленный из столицы, счел нужным упомянуть, что бывшего жандармского полковника А. И. Лакса «характеризовали, как умного и вдумчивого администратора и чуждого бюрократических заветов». Г. Н. Потанин, посетивший осень 1887 г. Томск и встречавшийся с П. В. Вологодским, вероятно, не без отзыва последнего, писал Н. М. Ядринцеву о том, что досаждавшие областникам (и томскому губернатору) Е. В. Корш с редакцией «Сибирского вестника» пытаются «обойти лестью» А. И. Лакса, но тот «очень проницательный человек и в разговоре со мною так аттестовал эту компанию, что вернее ее понимать нельзя. «Да и человек, 25 лет бывший начальником жандармского управления, должен был научиться узнавать людей, а Лакс именно показался мне очень хорошо научившимся, – как это странно слышать из уст бывшего политического ссыльного, – пишет Потанин. – Он откровенно, однако, сознается, что он бессилен и говорит, что власть губер[натора] так поставлена, что зла он может сделать сколько хочет, а добра нисколько» [14, с. 78]. Такие характеристики нарушают привычную картину, закрепившуюся в нашей историографии, нацеленной на противостояние «власти и общества».

Председатель Томского губернского суда Г. В. Юркевич, судя по всему, был человеком старой формации, университетского диплома не имел и «до всего дошел сам», однако сознавал необходимость привлечения в стены суда образованной молодежи, которая бы заменила прежних судейских, среди которых, были, как писал в неопубликованных воспоминаниях Вологодский, «прямо-таки раритеты, чисто гоголевские типы».

«Надо правду сказать, не высок был образовательный ценз моих новых товарищей. Из состава канцелярии только один был с семинарским образованием, да и тот пьяница, остальные не шли дальше курса уездного училища, не мало было людей домашнего образования, из отставных военных писарей и т. д. Они не были пьяницами, но выпить были все, что называется, не дураки. Но Г. В. Юркевичу удалось подобрать чиновников канцелярии суда безусловно честных и в этом отношении суд при Г. В. Юркевиче пользовался заслуженно доброй славой» [15, л. 6–7].

Начатые в 1885 г. «подправления» в судебной системе Сибири еще не означали их кардинальной перестройки, хотя бы по тому образцу, который существовал в Центральной России, а продолжающееся пребывание в «дореформенном» периоде с сохранением у судейских «соблазнов закоренелых привычек» с областнических позиций он расценивал как еще одно доказательство неполноправного положения Сибири [16]. Но произошедшие изменения открывали новые профессиональные и общественные горизонты, и он решил испытать себя уже на поприще становящейся в те годы в Сибири профессиональной адвокатуры.

«Тогда в Сибири не было поверенных, как сословия, не существовало даже института частных поверенных. В Томске был лишь приезжий из Киева

присяжн[ый] поверен[ный] В. П. Картамышев², человек не без знаний и способностей, но страшно безалаберный, пьяница и скандалист. Это именно он, желая посмеяться над порядками выборов в члены местного общественного собрания, провел в члены этого собрания своего кучера. Гражданские дела вели так называемые подпольные адвокаты по большей части из ссыльных авантюристов [О таком явлении, как «подпольная адвокатура», см.: 18, с. 68–76]. В качестве защитников по уголовным делам выступали иногда чиновники других ведомств, а казенная защита вручалась чиновникам канцелярии» [15, л. 22].

В 1889 г. П. В. Вологодский ненадолго переезжает в Барнаул, где служит в местном окружном суде, живет «весело и беспечно», попадает в «веселый кружок» судейской молодежи. Это был небольшой круг будущих видных общественных деятелей, который группировался вокруг общества попечения о начальном образовании с В. К. Штильке, С. П. Швецовым, Е. И. Овсянkinым и другими [19, с. 210, 340–341, 336]. После неоднократных попыток завершить свое университетское образование П. В. Вологодский в 1892 г. сдал экстерном экзамены за курс юридического факультета Харьковского университета и получил диплом. Тогда же с него было сняты полицейские ограничения, связанные как с местом проживания, так и выбором службы. Почти на год он оказался в Омске в качестве чиновника канцелярии степного генерал-губернатора, а затем (после каких-то служебных трений), исполнял обязанности мирового судьи в Верном и ненадолго задержался в Семипалатинске в качестве товарища (заместителя) областного прокурора.

«Семипалатинск в мое время был глухим провинциальным городком полуазиатского характера, не только по внешнему виду и составу своего населения, но и по привычкам и навыкам этого населения. При мне в Семипалатинске не создавалось никаких общественных организаций, а существующие влачили жалкую жизнь. Когда-то стараниями, главным образом политических ссыльных, там были созданы местный музей, общественная библиотека и общество попечения о начальном образовании, но ссылка политических ссыльных в Семипалатинскую область была давно прекращена и все эти учреждения, столь привившиеся в других городах Сибири, в мое время влачили в Семипалатинске довольно жалкое существование и нисколько не росли. Многие наезжие чиновники вовсе и не знали о существовании музея. В этом отношении Семипалатинск стоял далеко ниже Барнаула в мое время». <...> «При такой общественной атмосфере общество разбивалось на кружки интимного характера и каждый жил жизнью своего кружка. Судейская семья, хотя и была незначительной, но довольно дружно жила между собой. А хле-

---

² В. П. Картамышев был не только адвокатом из бывших уголовных ссыльных, но и фактическим издателем томской газеты «Сибирский вестник», которой активно противостояли областники. Ее также не жаловала, как ни странно, губернская администрация. История их противоборства получила интересный поворот в 1886 г., за год до возвращения в Томск П. В. Вологодского, в связи с вмешательством влиятельного публициста М. Н. Каткова, обнажившего в Сибири «сепаратизм» [17, с. 64–80].

босольная семья губернатора объединяла и других избранных» [15, л. 56–57. Более раннее описание Семипалатинска см.: 20].

Такая жизнь не могла устроить, и он не был удовлетворен ни службой, ни невозможностью продолжить общественную деятельность в городе, где любимым занятием чиновников оставались карты, бильярд, верховая езда и охота. Однако Вологодский не мог не заинтересоваться новой для него стороной жизни – кочевым обществом казахов, с их непривычными правовыми обычаями [См. подробнее: 21, 22]. В его воспоминаниях сохранились небольшие зарисовки типов чиновников и административно-судебных правил, характеризующих сложные отношения такого «гибридного» общества, где современные инновации империи причудливым образом переплетались с традициями кочевого социума, где отношения зависели не столько от формальных процедур, сколько от личных связей. В том, что многие судейские определяли как «лжесвидетельство», он усматривал борьбу казахов «за свои понятия, нравы и обычаи, часто расходящиеся с русским правосознанием и моралью».

Другим злом в степи оставалась «продажность переводчиков и письмоводителей мировых судей и их помощников, а киргизский язык хорошо знал только один судья области, да и тот пользовался этим знанием, как ловкий киргиз-переводчик. Мне пришлось ревизовать этого судью и из подробного рассмотрения его производств, как по делам мировой подсудности, так и по делам следственным, было видно, как отлично он знал киргизскую жизнь, нравы киргиз и как хорошо он мог пользоваться этими познаниями в целях истинного правосудия. Но, увы, этого не было. Вероятно, борьба со лжесвидетельством и проделками переводчиков и письмоводителей будет тогда только продуктивной, когда киргизский народ сам создаст солидный кадр своей интеллигенции, пока же киргиз интеллигент еще очень редкое явление» [15, л. 55–56].

Служба в Степном крае совпала с началом активной фазы реализации судебной реформы в Сибири. Однако Вологодский и в новых судах, которые он, безусловно, приветствовал, усматривал недостатки, поэтому снова решил вернуться к адвокатской практике в Томске, очевидно, сознавая, что она предоставляет выход и в более широкую общественную сферу деятельности. Беспокоил его и персональный состав сибирских адвокатов, где отсутствовали талантливые и мужественные защитники интересов населения, а сами присяжные поверенные, вместо того, чтобы стать носителями нового правосознания, втягивались в местные дрязги, теряя и без того невысокий авторитет [13, с. 166]. Прощаясь с Семипалатинском, на обеде в честь члена окружного суда А. К. Макинского в 1897 г. Вологодский произнес речь, в которой обозначил свое *profession de foi*, призывая к общественной ответственности и единству всех представителей юридической интеллигенции.

«На сибирскую прокуратуру слышатся нарекания, что она чаще всего вносит семя раздора в судебную семью. Нужно сознаться, что в этом голосе общественного мнения есть значительная доля правды. Обширная инициатива в возбуждении вопросов, широкая власть в первоначальных распоряжениях по приготовлению и обработке материалов для решения этих вопросов

судебной коллегией действуют опьяняющим образом на представителей прокуратуры, вербуемых, по большей части, из молодого поколения. В службе по прокуратуре много соблазна, много мест для раздражения молодого самолюбия, молодого задору, много простора. В порыве преследования врагов правосудия, в пылу борьбы с ним представители прокуратуры часто односторонне увлекаются и обращаются в тех бездушных преследователей всяких вольных и невольных нарушителей закона, в те юридические крючки, которые народным остроумием поставлены в весьма неприятную компанию в известной русской пословице:

В земле черви,
В лесу сучки,
В аду черти,
В суде крючки» [15, л. 62–63].

Но молодого судейского чиновника заботили не только профессиональные дела, а, главным образом, направленность общественных настроений в Сибири. П. В. Вологодский не собирался уходить исключительно в профессиональную сферу и довольствоваться теорией «малых дел». Хотя он и пытался совместить свою профессиональную деятельность с общественными инициативами, следуя идеалу служения адвокатуры как части интеллигенции, народу, активно участвовал в работе так называемых «бюро юристов», предоставлявших юридические консультации населению.

В то же время и Н. М. Ядринцев (в конце 1887 г.) менял прописку своего «Восточного обозрения» с Петербурга на Иркутск и нуждался в сотрудниках в самой Сибири. Несмотря на явный пиетет перед патриархом сибирской журналистики, Вологодский не мог не заметить серьезных просчетов в планах и действиях своего именитого земляка. Тем более ценны замечания о том периоде деятельности Ядринцева, которые предшествовали его смерти в 1894 г. и представляют немало загадочного. Вологодский на очень короткий срок стал даже секретарем редакции, но его впечатления об этих трудных и для газеты, и для самого редактора временах чрезвычайно важны. Перед тем, как обосноваться в Томске, Вологодский с осени 1887 г. жил в Иркутске, где очень недолго помогал Ядринцеву издавать газету «Восточное обозрение». Очевидно, областники ценили Вологодского как газетного сотрудника, и не случайно Г. Н. Потанин в 1892 г. писал Ядринцеву, что в Иркутске очень не хватает Вологодского, который профессионально мог бы вести в «Восточном обозрении» важный раздел «судебной хроники» [23, с. 336]. Сам же Вологодский был настроен более пессимистично в отношении перспектив «Восточного обозрения».

«Я находил, что Н. М. Ядринцев слишком поздно выехал из Петербурга в Иркутск и слишком быстро проехал Сибирь, чтобы хорошо выступить с первыми номерами “Восточного Обозрения”. Издавать дальше “Восточн[ое]. Обозр[ение]” в Петербурге, действительно, было мало смысла. Газета после трех предостережений попала под цензуру, а она тем и была мила сибирякам, что издавалась без цензуры и независимо от всяких местных влияний. Иркутск оставался без газеты, а, между тем, в нем более, чем в другом каком-

либо сибирском городе находили отклик областнические идеи. Но в Петербурге у «Восточного Обозрения» была группа ближайших сотрудников, сработавшихся с Н. М. Ядринцевым. Эта группа много помогала ему хотя бы в технике составления номера. Переводя издание газеты в Иркутск, он взял только меня в свои ближайшие сотрудники, в качестве секретаря редакции. Но я был мало опытен в этом деле и совершенно незнаком с иркутской жизнью, с интеллигенцией края. Я полагал, что Ядринцев, проезжая города Сибири, будет в них останавливаться, заводить знакомства с местной интеллигенцией и приглашать себе сотрудников. Но мы летели мимо городов, Н. М. Ядринцев не считал нужным даже беседовать со своими корреспондентами из таких городов Восточной Сибири, которую он должен был, главным образом, обслуживать своей газетой, как Ачинск, Красноярск и др. Когда я как-то высказался ему в том смысле, что ему следовало бы завести связи с городами Сибири, организовать сотрудничество, он мне ответил: «Старички там нам все наладят». Под старичками он разумел М. В. Загоскина, д-ра Писарева, полковника Н. П. Нестерова, руководивших изданием газеты «Сибирь» в Иркутске.

Но старички нам ничего не наладили. После нескольких встреч с ними, я убедился, что они уже не газетные работники. Они сильно постарели, можно сказать, одряхлели. К тому же М. В. Загоскин поселился на постоянное жительство в деревне близ Иркутска (Грановщина) и мало писал, д-р Писарев изрядно выпивал, а Н. П. Нестеров никогда не был литературной силой и заведовал только хозяйством газеты «Сибирь». Заметно было с первых же шагов, что «старички» уже потеряли вес в общественном мнении в Иркутске.

Генерал-губернатором в Иркутске в то время был граф А. П. Игнатьев, который прежде всего поставил себе задачей изучить вверенный его управлению край. Им было организовано статистическое исследование края, во главе которого были поставлены популярные среди русской интеллигенции земские статистики Н. М. Астырев (автор нашумевших очерков «В волостных писарях»), Личков и Смирнов (имена и отчества их я забыл). С первого же знакомства с жизнью иркутской интеллигенции было видно, что ее внимание сосредоточено на этих личностях, к их голосу прислушиваются и с ними, главным образом, ищут общения. Колония политических ссыльных в Иркутске (помню фамилию старого народовольца Натансона) также тяготела к этим трем именам, а к Ядринцеву было на первых порах отношение выжидательное, а затем, пожалуй, и прямо отрицательное. Н. М. Ядринцев не мог сразу же не ощутить той атмосферы, в какую он попал в Иркутске, сильно нервничал, но не мог найти надлежащего тона, ни в своей газете, ни в своем поведении. И первые номера «Восточного Обозрения» выходили слабыми, разочаровавшими и тех, кто ожидал от Ядринцева живой, независимой и смелой газеты. Хозяйство газеты под руководством Н. П. Нестерова шло из рук вон плохо. Газета без субсидий никак существовать не могла. Я стал замечать, что Н. М. Ядринцев все более и более стал падать духом, сильно нервничал и стал сильно пить. Сначала пил один, запершись в своем кабинете, а затем с одной ничтожной дамой, с которой он сошелся едва ли только не для

совместной выпивки. Меня все это очень расстраивало, я очень любил Ядринцева, и мне больно было сознавать, что он все ниже и ниже падает лично, падает и его газета. 6-го апреля я ушел с квартиры Ядринцева и поселился отдельно. Аделаиде Федоровне Ядринцевой я написал откровенно о тяжелом положении газеты, но умолчал о личной жизни Н. М. Ядринцева, указывая на то, что так вестись газета долго не может» [15, л. 8–11].

Упоминается в опубликованной части воспоминаний Вологодского и о трагической судьбе детей Ядринцева, у которых он был Петербурге недолгое время домашним учителем. После отъезда в конце 1887 г. в Иркутск отца и смерти в 1888 г. матери, они оказались, по сути дела, брошенными на произвол судьбы. Старший сын Лев кое-как окончил гимназию, пытался работать в столичных газетах, пробовал даже перебраться в Томск, но все это кончилось неудачей, усугубившейся пристрастием к алкоголю³. Младший брат Николай еще в юности, будучи гимназистом, спился и скоро кончил жизнь «питерским босяком». Их сестра Лидия была более счастлива, но и ее преследовали удары судьбы: после гимназии она попала в «политическую историю», была выслана в Сибирь, вышла замуж за политического ссыльного П. В. Злобина, и напомнила П. В. Вологодскому о себе только тогда, когда тот был избран в 1906 г. депутатом II Государственной думы [5, с. 134–135]⁴.

Хотя воспоминания П. В. Вологодского и не претендуют на полноту отражения своего времени, даже тех событий, свидетелем которых он был, сосредоточены лишь на некоторых фрагментах собственной биографии, все же они содержат замечательные «крупницы», по которым историк только и способен воссоздать картину прошлого, увидев ее не только глазами современников, лучше понять их самих. Это было «безвременье» второй половины 1880-х – начала 1890-х гг., как обозначил этот период Вологодский в своих воспоминаниях, и так его воспринимали многие из тех, кому пришлось впоследствии пережить и действовать, как самому П. В. Вологодскому, в бурную эпоху революций и гражданской войны. Другой политический деятель, также оказавшийся «за бортом», в эмиграции, В. А. Маклаков вспоминал, что те, чьи годы юности выпали на «восьмидесятые», завидовали «шестидесятникам», а время правления Александра III казалось им «эпохой застоя» и «реакции» [14, с. 5, 13–14]. Однако тотального разочарования не чувствуется в воспоминаниях П. В. Вологодского, жившего другими ощущениями, хотя и тяготившегося режимом самодержавия. Он научился соединять профессиональную деятельность юриста с общественным долгом русского интеллигента, направляя свою работу на благо Сибири, которой он, по заветам Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина, преданно служил. В своем выступлении в августе 1917 г. в зале Томского окружного суда П. В. Вологодский, будучи

---

³ Существует свидетельство, что в 1918 г. Л. Н. Ядринцев работал в большевистской газете «Правда» и встречался с В. И. Лениным, который высоко отзывался о его отце, Н. М. Ядринцеве.

⁴ Лидия Николаевна Злобина, урожденная Ядринцева, революционерка, член боевой организации партии эсеров, политическая ссыльная, автор книги «Туземцы Туруханского края» (1925), мать известного писателя С. П. Злобина.

уже старшим председателем Омской судебной палаты, заявил, что «судебное ведомство вообще, а представители этого ведомства в округе Томского окружного суда – в особенности в моих глазах – менее чем в других ведомствах были прислужниками власти, несмотря на все старания гг. Щегловитовых и К°, и творили свое дело правосудия по мере сил своих и совести» [25]. Революция разрушила эту мирную тенденцию и привела на баррикады, а затем ввергла в кровавую бойню гражданской войны, в которой П. В. Вологодский, по выработанной привычке, старался все еще что-то установить и устроить.

1. *Шиловский М. В.* Вологодский Петр Васильевич // История «белой» Сибири в лицах : биограф. справочник. СПб., 1996.

2. *Вульф Д. Г., Ларьков Н. С., Лиандрес С. М.* П. В. Вологодский и его дневник // Вологодский П. В. Во власти и изгнании: дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006.

3. *Казакова Е. А.* Становление и развитие общественно-политических взглядов П. В. Вологодского // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 1 (доп.).

4. *Вологодский П. В.* Во власти и изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006.

5. *Вологодский П. В.* Из истории моей жизни // Рус. обозрение. Пекин, 1920. № 1.

6. *А. Х.* [Хохряков А.] Сибирское землячество (По воспоминаниям П. В. Вологодского // Сиб. вопр. 1911.

7. *Гольдфарб С. И.* Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997.

8. *Мандрика Ю. Л.* «Настоящее ядринцевское “Восточное обозрение”» // Петербург газетный: 1711–1917. Тюмень, 2009.

9. *Лемке М. К.* Николай Михайлович Ядринцев : биограф. очерк. СПб., 1904.

10. *Головачев А. М.* Ядринцевские четверги // Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5.

11. *Крутовский В. М.* Отрывки из воспоминаний // Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5.

1. *Shilovskiy M. V.* Vologodskiy Petr Vasilievich // History of "white" Russia in personalities: bibliographical review. SPb., 1996.

2. *Vulf d. G., Larkov N. S., Liandres S. M.* Vologodskiy and his diary // Vologodskiy S. V. In the government and exiled: the Antibolsheviks government Prime Minister and the immigrants in China's diary (1918–1925). Riazan, 2006.

3. *Kozakova E. A.* Formation and development of P. V. Vologodskiy's social-political views // Hews of the Novosibirsk State University. History, Philology. 2006. Issue 5 (additional).

4. *Vologodskiy S. V.* In the government and exiled: the Antibolsheviks government Prime Minister and the immigrants in China's diary (1918–1925). Riazan, 2006.

5. *Vologodskiy P. V.* The history of my life // Russian review. Pekin, 1920. N 1.

6. *A. Kh.* [Khokhriakov A.] Siberian expatriates' community (P. V. Vologodskiy's memoirs) // Siberian Issues. 1911.

7. *Goldfarb S. I.* The newspaper "Vostochnoye obozreniye" (1882–1906). Irkutsk, 1997.

8. *Mandrika Yu. L.* "A real Yadrintsev's "Vostochnoye obozreniye" // Periodical Petersburg: 1711–1917. Tyumen, 2009.

9. *Lemke M. K.* Nikolay Mikhailovich Yadrintsev. Biographical essay. SPb., 1904.

10. *Golovachev A. M.* Yadrintsev's Thursdays // Siberian literature heritage. Novosibirsk, 1980. Vol. 5.

11. *Krutovskiy V. M.* Memoirs extracts // Siberian literature heritage. Novosibirsk, 1980. Vol. 5.

12. *Krestiannikov E. A.* Judicial reform of 1864 in Western Siberia. Tyumen, 2009.

12. *Крестьянников Е. А.* Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень, 2009.
13. *Адоньева И. Г.* «Великая полуреформа» преобразования судебной власти Западной Сибири в оценках местной юридической интеллигенции (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2010.
14. Г. Н. Потанин – Н. М. Ядринцеву, сентябрь 1887 г., Томск // Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1990. Т. 4.
15. *Вологодский П. В.* Сибирское безлюдье 80–90-х годов (Воспоминания) [1920] // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 299.
16. *Вологодский П. В.* Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Рус. богатство. 1892. № 12.
17. *Ремнев А. В.* Михаил Никифорович Катков в поисках «сибирского сепаратизма» // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков. Новосибирск, 2007.
18. *Астахов А. В.* Нелегальная адвокатура Западной Сибири и борьба с ней в конце XIX – начале XX вв. (по материалам местной периодической печати) // Вестн. Ом. ун-та. 2009. № 3. С. 68–76.
19. Барнаул : энциклопедия. Барнаул, 2000.
20. Потанин Г. Н. Семипалатинск и другие города Семипалатинской области // Живописная Россия. СПб., 1884. Т. 2.
21. *Мартин В.* Закон и обычаи в Степи: казахи Среднего жуза и Российский колониализм в XIX веке. Алматы, 2009.
22. *Джампеисова Ж.* Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана, 2006.
23. Г. Н. Потанин – Н. М. Ядринцеву, 3 окт. 1892 г., Иркутск // Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1990. Т. 4.
24. *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания. Париж, 1936. Т. 1.
25. Омский вестник. 1917. 25 авг.
13. *Adoniev I. G.* "The great semi-reform" of judicial system transformation in Western Siberia on the estimates of local juridical intelligence (in ate XIX – early XX c.). Novosibirsk, 2010.
14. *Potantin G. N.* To the memory of N. M. Yadrintsev, September, 1887, Tomsk // G. N. Potantin's letters. Irkutsk. 1990. Vol. 4.
15. *Vologodskiy P. V.* Siberian absence of people in 80–90-s (Memoirs) [1920] // The State Archive of The Russian Federation (SARF). F. R-5881. Inv. 2. Doc. 299.
16. *Vologodskiy P. V.* History of Siberian Judicial reform // Russian treasure. 1892. N 12.
17. *Remnev A. V.* Mikhail Nikiforovich Katkov looking for "Siberian separatism" // Personality in the History of Siberia in the XVII–XX c. Novosibirsk, 2007.
18. *Astakhov A. V.* Western Siberia illegal advocacy and its control in late XIX – early XX c. (on the materials of the local press media) // The News of The Omsk State University. 2009. N 3. P. 68–76.
19. Barnaul: Encyclopedia. Barnaul, 2000.
20. *Potantin G. N.* Semipalatinsk and other cities of Semipalatinsk region // Picturesque Russia. SPb., 1884. Vol. 2.
21. *Martin V.* Law and customs in the Steppe: Kazakhs of Central Part and Russian colonization in the XIX c. Almaty, 2009.
22. *Djampeisov J.* Kazakh society and law in the post-reformed steppe. Astana, 2006.
23. Potantin G. N. To the memory of N. M. Yadrintsev, September, 1887, Tomsk // G. N. Potantin's letters. Irkutsk, 1990. Vo. 4.
24. *Moklakov V. A.* Authorities and public in the twilight of Old russia: Memoirs. Paris, 1936. Vol. 1.
25. The News of Omsk. 1917. August 25.

P. V. Vologodskiy's Memoirs: Metropolitan and Siberian Life at the end of the XIX c.

A. V. Remnev

Omsk State University of F. M. Dostoyevskiy, Omsk

The article concerns the early biographical period of the remarkable Siberian public and political personality P. V. Vologodskiy's (1863–1925). It deals with his published and unpublished memoirs, which referred to the study life in Krasnoyarsk, Tomsk and St. Petersburg, his formation as public figure, returning to Siberia in 1887 and his service in the judicial system. The article focuses on the organisation and activity of the expatriates Siberians' community in Petersburg in 1880-s, juridical reform in Siberia, significant moments in Siberian public life in late XIX c.

Key words: History of Siberia of the XIX c., memoirs, P. V. Vologodskiy, N. M. Yadrintsev, Siberian regionality, Siberian newspaper publishing, juridical reform.

Ремнев Анатолий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, 644077, г. Омск, проспект Мира, 55-а, ОмГУ, исторический факультет; 8(3812)670244, e-mail: remnev55@rambler.ru

Remnev Anatoliy Victorovich – Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Prerevolutionary Russian History and documentation, the Omsk State University of F. M. Dostoyevskiy, 644077, Omsk, Mir Avenue, 55-a, OmSU, the Faculty of History; 8(3812)670244, e-mail: remnev55@rambler.ru